

A digital illustration of a woman with dark hair tied back, wearing a black dress, looking out a large stained glass window. The window is composed of many colorful panes in shades of yellow, orange, blue, and purple. A bright light source is visible through the window, creating a lens flare effect. The woman's face is in profile, and she has a contemplative expression. Her right hand is raised towards the window.

Лира Морн

Витражи Вельмара

Лира Морн
Витражи Вельмара

«Автор»

2026

Морн Л.

Витражи Вельмара / Л. Морн — «Автор», 2026

Витражи Вельмара хранят не только красоту, но и боль. Лира учится видеть свет даже в самых тёмных узорах. Её путь — это мозаика из потерь, надежд и неожиданных открытий. Здесь каждый цвет — эмоция, каждый осколок — часть её истории. Погрузитесь в мир, где свет и тень танцуют на грани реальности.

© Морн Л., 2026

© Автор, 2026

Ли́ра Морн

Витражи Вельмара

Часть 1. Тени прошлого

Глава 1. Осколки

Ли́ра Вейл аккуратно поднесла пинцетом осколок синего стекла к раме витража. Пальцы чуть дрожали - не от напряжения, а от привычки: за годы работы она научилась скрывать дрожь, которая появлялась всякий раз, когда приходилось касаться чего-то острого.

Собор Святого Элиана дышал вековой пылью и тишиной. Лучи света пробивались сквозь старые витражи, рисуя на каменном полу разноцветные пятна. Ли́ра работала над реставрацией центрального панно — сцена суда над невинным. Ирония судьбы: она восстанавливала изображение несправедливости, сама став её жертвой.

Пинцет скользнул, и осколок упал на эскиз. Красный - как кровь. Как тот день, когда всё изменилось. Воспоминания нахлынули волной: холодный ветер, шелест травы, резкий голос... Ли́ра сжала пинцет, заставляя себя вернуться в настоящее.

- Опять вспоминаешь? - Маркус Рейн бесшумно подошёл сзади. Его трость глухо стукнула о пол.

Ли́ра вздрогнула:

- Нет. Просто стекло хрупкое.

Маркус хмыкнул, но ничего не сказал. Он единственный знал всю правду и единственный поверил ей тогда, в 15 лет, когда весь город кричал: «Лгунья!».

Она продолжила работу, подбирая фрагменты. Синий — небо, которое она больше не видела таким же ясным. Зеленый - трава, на которой... Нет. Не думать. Ли́ра сосредоточилась на ритме работы: взять осколок, проверить форму, приложить к эскизу, закрепить. Повторять. Дышать.

В глубине рамы что-то блеснуло. Ли́ра осторожно извлекла сложенный листок бумаги. Развернула.

«Прости меня. Я должен был сказать раньше».

Руки затряслись всерьез. Она скомкала записку, но Маркус успел заметить.

- Что там? - его голос прозвучал мягче, чем обычно.

- Ничего. Мусор.

Но сердце билось так сильно, что, казалось, витраж задрожал в ответ. Кто мог оставить эту записку? И что значит «сказать раньше»?

Маркус помолчал, изучающе глядя на нее. Затем тихо произнес:

- Ты ведь не выбросишь ее по-настоящему, верно?

Ли́ра подняла глаза, встретившись с его понимающим взглядом.

- Откуда ты...

- Я знаю тебя слишком хорошо, - он слегка улыбнулся. - И знаю, что ты не успокоишься, пока не выяснишь, кто это написал.

Она вздохнула, разгладила скомканный листок на ладони. Буквы были выведены неровно, будто писавший волновался.

- Думаешь, это кто-то из тех времен? - прошептала Лира.

- Возможно, - Маркус оперся на трость. - Или кто-то, кто узнал правду позже. Но если хочешь разобраться, начни с того, кто знает о твоём прошлом больше всех.

- Отец, - выдохнула Лира. Ее отец уже много лет жил на маяке у окраины города, почти не появляясь в Вельмаре.

- Именно, - кивнул Маркус. - Он многое видел и слышал. И, кажется, до сих пор хранит больше секретов, чем готов признать.

Глава 2. Маяк молчания

Туман окутал Вельмар, как и всегда в это время года. Лира шла по извилистой тропе к маяку, кутаясь в пальто. Семьдесят ступеней вверх - она считала их в детстве, когда отец еще брал ее с собой. Тогда каждый шаг был радостью, каждый поворот тропы - новым открытием. Теперь же ступени казались испытанием, а туман - живым существом, цепляющимся за подол пальто.

Смотритель маяка Томас Вейл сидел у окна, полируя линзу. При виде дочери он замер на мгновение, затем продолжил работу. Движения его были размеренными, почти ритуальными - будто этот привычный труд мог защитить от непрошенных разговоров.

- Ты редко навещаешь, - его голос звучал ровно, без эмоций.

- У меня выставка скоро, - Лира села напротив. - Нужно твоё мнение.

Отец поднял глаза - такие же темные, как у нее, но холодные. В них не было ни радости встречи, ни теплоты.

- Витражи? Это все, что тебя волнует?

Лира сжала кулаки под столом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Она так долго готовилась к этому разговору, репетировала слова, но теперь они словно застряли в горле.

- А что еще? - ее голос прозвучал резче, чем она хотела.

Молчание повисло между ними, густое, как туман за окном. Лира достала из кармана скомканную записку и положила на стол между ними. Бумага, будто живая, чуть развернулась, обнажая неровные буквы.

- Ты знаешь, кто это написал? - спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Томас бросил взгляд на бумагу и тут же отвел глаза, будто записка обожгла его взгляд.

- Откуда мне знать?

- Потому что ты знал тогда. Знал, что я не лгала. Но молчал, - Лира наклонилась вперед, вглядываясь в лицо отца.

- Почему, папа? Почему ты не встал на мою сторону?

Его рука дрогнула, линза чуть не упала. Он резко поставил ее на подставку, словно искал опору.

- Я пытался защитить семью, - произнес он глухо.

- От чего? От правды? - Лира почувствовала, как внутри закипает давно сдерживаемый гнев. - Ты думал, что молчание поможет? Оно только дало им власть надо мной.

- Они бы разрушили все, - отец сжал край стола. - Дом, репутацию, будущее...

- Они и так разрушили, - она встала, чувствуя, как ком подступает к горлу. - Только не дом, а меня. Ты выбрал сохранить стены, но забыл о том, кто в них жил.

Она уже собиралась уйти, когда отец тихо произнес:

- Я не мог противостоять им. Они бы разрушили все. Не только нас - весь город встал бы против. Ты была ребенком, Лира. Я думал, что так будет лучше. Что время залечит раны.

Лира замерла у двери. Слова отца повисли в воздухе, тяжелые и горькие. Она повернулась к нему:

- Время не лечит, когда ты заставляешь человека жить во лжи. Оно только делает боль глубже, прячет ее под слоями молчания.

Она подошла к столу, положила руку на записку:

- Кто-то нашел в себе силы написать это спустя столько лет. Может, и ты найдешь силы сказать правду? Не для меня - для себя.

Выходя из маяка, Лира остановилась на верхней ступени. Туман стал еще гуще, почти непроницаемым. Она глубоко вдохнула сырой, соленый воздух, пытаясь унять дрожь в руках.

И тут она заметила фигуру в тумане. Высокий мужчина стоял у обрыва, глядя на море. Его силуэт казался смутно знакомым — широкие плечи, прямая спина, руки за спиной. Он стоял неподвижно, словно статуя, сливаясь с белесой пеленой.

Лира сделала шаг вперед, пытаясь разглядеть лицо, но туман скрывал его черты. Она хотела окликнуть незнакомца, спросить, что он здесь делает...

Когда она обернулась снова — его уже не было. Только ветер шевелил траву на краю обрыва, да волны с монотонным шумом разбивались о скалы внизу.

«Показалось?» — подумала Лира, но что-то внутри подсказывало: нет, он был здесь. И, возможно, пришел не случайно.

Она последний раз взглянула на маяк, на окно, где за занавеской угадывался силуэт отца. Что-то в их разговоре сдвинулось — не до конца, не полностью, но трещина в стене молчания появилась.

Спускаясь по ступеням, Лира чувствовала странную легкость. Не облегчение — еще рано для этого, - но проблеск надежды. Записка, разговор с отцом, таинственный незнакомец у обрыва - все это складывалось в какую-то новую картину, которую ей еще предстояло понять.

Глава 3. День Тумана

Город готовился к празднику. Улицы украсили бумажными фонарями - красными, желтыми, голубыми, - они покачивались на ветру, отбрасывая причудливые тени на мощеные тротуары. Дети бегали с пустыми корабликами, смеялись, спорили, чей будет красивее. День Тумана - традиция Вельмара: каждый пишет свой самый большой страх и пускает по реке, чтобы туман унес его прочь.

Элла ждала у собора, размахивая руками:

- Лира! Наконец-то! Я взяла тебе кораблик - вон тот, голубой, с серебряной каймой. Самый красивый!

Лира подошла, поправила шарф, закрывая шею. Ей было не по себе - праздник, который раньше казался волшебным, теперь вызывал тревогу.

- Я не буду участвовать, - тихо сказала она.

- Будешь, - подруга схватила ее за руку, глаза горели энтузиазмом. - Это же ритуал. Отпускание. Ты столько лет пропускала его - пора попробовать. Представь: страх уплывает, растворяется в тумане... Разве не этого ты хочешь?

Лира вздохнула. В глубине души она понимала: Элла права. Может, это и правда поможет.

Они пошли к реке. Горожане толпились у моста, бросая кораблики в темную воду. Лира смотрела, как они плывут, мерцая в свете фонарей, - десятки маленьких огней, несущих чьи-то тайны, тревоги, боли.

- Ну же, - Элла вложила ей в руку перо и чернила. - Напиши. Просто напиши. Не обязательно вслух.

Лира колебалась. Пальцы дрожали, перо казалось непривычно тяжелым. Она глубоко вдохнула, закрыла глаза на мгновение, а затем быстро вывела на бумаге: «Страх быть не услышанной».

Кораблик лег на воду, но она не отпустила. Смотрела, как течение пытается унести его прочь, как он покачивается на волнах, будто сомневаясь.

- Пусти, - прошептала Элла, положив руку на плечо подруги. - Отпусти.

Лира разжала пальцы. Кораблик дернулся, поплыл, но почти сразу зацепился за корягу у берега и остался рядом с ним, покачиваясь на мелкой волне.

- Не хочет уходить, - грустно улыбнулась Лира.

- Значит, ты еще не готова, - Элла обняла ее за плечи. - Но ты пыталась. Это уже шаг. И знаешь что? Главное - ты решилась написать правду. Это важнее, чем пустить кораблик по течению.

Лира подняла глаза и увидела его - того самого мужчину у маяка. Он стоял в тени деревьев, наблюдая. Их взгляды встретились.

Он сделал шаг вперед.

- Лира Вейл? - его голос был низким и хриплым. - Мне нужно с вами поговорить.

Лира замерла. Этот голос она где-то слышала. Где? Когда? Воспоминание ускользало, как туман, клубящийся над рекой.

- Кто вы? - она слотнула, пытаясь унять дрожь в голосе.

Мужчина сделал еще шаг, выходя из тени. Теперь Лира могла разглядеть его лучше: высокий, с сединой в волосах, лицо изрезано морщинами, но взгляд острый, цепкий.

- Меня зовут Арвид Кейн, - он слегка поклонился. - Я был другом вашего деда. И я знаю, что произошло тогда, пятнадцать лет назад.

Элла напряглась, крепче сжала руку подруги.

- Вы знали моего деда? - Лира почувствовала, как внутри все сжалось. - И что вы знаете?

- То, что он хотел рассказать вам перед смертью, - Арвид сделал паузу. - То, что он не успел. У него были доказательства. Доказательства вашей правоты.

Лира пошатнулась. Элла поддержала ее под локоть.

- Какие доказательства? - голос Лир дрожал. - Где они?

- Они были спрятаны, - Арвид огляделся, словно опасаясь, что их подслушают. - В месте, которое ваш дед считал самым надежным. В соборе.

Туман сгушался вокруг них, фонари мерцали, кораблики плыли по реке - а Лира вдруг поняла, что ее страх, написанный на бумажке, больше не имеет значения. Потому что теперь у нее появилась надежда. Надежда узнать правду.

- Покажите мне, - она выпрямилась, глядя прямо в глаза Арвиду. - Покажите, где они спрятаны.

Арвид кивнул:

- Идемте. Но будьте готовы: правда может оказаться тяжелее, чем вы думаете.

Элла переглянулась с Лирой и молча кивнула - она пойдет с ней.

Они двинулись прочь от реки, оставляя позади праздник, фонари и кораблики с чужими страхами. Туман клубился у их ног, будто провожая в новое путешествие - к правде, которую так долго скрывали.

Глава 4. Свидетель

Лира стояла у окна мастерской, протирая осколок витражного стекла. Лучи вечернего солнца преломлялись в нём, бросая на стену радужные пятна - красные, синие, золотые. Они скользили по старым доскам пола, на мгновение превращая пыльную мастерскую в сказочный мир.

За спиной скрипнула дверь. Лира не обернулась - она знала, кто это. Запах одеколона с нотами сандала и кедра достиг её носа раньше, чем шаги приблизились.

- Лира... — голос Даниэля дрожал.

- Я должен тебе сказать. Я был там. В тот вечер. Я видел всё.

Осколок выпал из рук, звонко разбиваясь о пол. Лира резко обернулась. Её пальцы, ещё мгновение назад аккуратно державшие стекло, теперь сжались в кулаки.

- Что ты несёшь? - её голос прозвучал тише, чем она ожидала, почти шёпотом.

Даниэль сделал шаг вперёд, но остановился, не дойдя до неё нескольких шагов. Он смотрел куда-то в сторону, избегая её взгляда.

- Я молчал 15 лет. Боялся. Они угрожали...

- Ты позволил им сделать меня лгуней! - голос сорвался на крик - Все эти годы... Школа, шептания, «она сама виновата»... И ты знал правду! Ты знал, что это не так!

Она сделала шаг к нему, потом ещё один. Теперь они стояли почти лицом к лицу.

- Почему? — прошептала Лира. - Почему ты не сказал тогда?

- Они сказали, что испортят мою жизнь, - Даниэль поднял глаза. В них стояли слёзы. - Отец пригрозил лишить наследства. А потом... потом все уже поверили, что ты лжёшь. И я подумал, что уже слишком поздно.

- Слишком поздно? - Лира горько рассмеялась. - Ты думаешь, есть какой-то срок годности у правды?

Она отвернулась, пытаясь унять дрожь в руках. Взгляд упал на незаконченный витраж на верстаке. Корабль на нём был разбит на сотни осколков. Как и её жизнь... На мгновение на нее хлынули воспоминания...

Школьный коридор. Лира идёт по нему, а одноклассники расступаются, как Красное море перед Моисеем. Кто-то шепчет за спиной: «Лгунья». Учительница, к которой она подходит с вопросом, отводит взгляд и бормочет: «Потом, Лира, сейчас я занята».

Старшеклассник, проходя мимо, нарочно толкает её плечом. Она едва удерживается на ногах. В кармане сжимает осколок стекла - подарок отца, который разбился в тот вечер. Края врезаются в ладонь, но боль физическая кажется ничтожной по сравнению с той, что внутри.

- Ну что, опять выдумываешь истории? - насмешливо бросает кто-то.

Лира опускает голову и ускоряет шаг...

Лира закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Перед глазами всё ещё стояли эти лица - равнодушные, осуждающие, насмешливые.

- Уходи, - тихо сказала она.

- Лира, пожалуйста...

- Сейчас же, - её голос стал твёрдым. — Не хочу тебя видеть. Никогда.

Даниэль молча повернулся и вышел. Дверь за ним тихо щёлкнула.

Лира опустилась на стул, обхватила голову руками. В мастерской было тихо, только тикали старые часы на стене. Она подняла взгляд на витраж. Корабль всё ещё был разбит. Но где-то там, в глубине, она знала - его можно собрать заново.

Она посмотрела на осколки стекла на полу. Красные, синие, золотые - как те пятна света, что играли на стене минуту назад.

«Каждый осколок имеет своё место», — вспомнила она слова Маркуса.

Медленно, почти неосознанно, она начала собирать осколки. Один за другим. Красный здесь, синий рядом, золотой в центр. Узор начинал складываться.

Где-то далеко зазвонил соборный колокол. Пора было идти. Но впервые за долгое время Лира почувствовала - возможно, она действительно сможет собрать себя заново.

Глава 5. Дневник

Лира сидела за старым дубовым столом в своей мастерской. За окном сгущались сумерки, и единственный источник света - настольная лампа с зеленым абажуром - отбрасывал теплый круг на потрепанную тетрадь, лежащую перед ней.

Дневник был в кожаном переплете, потемневшем от времени. Края страниц пожелтели, некоторые уголки загнулись. Лира провела пальцем по тиснению на обложке - едва заметные буквы «Л.В.» - её инициалы.

Она открыла тетрадь на первой странице. Запись датировалась 15 лет назад:

«Сегодня отец подарил мне этот дневник. Сказал: „Записывай всё, что чувствуешь. Слова - это якоря, которые не дадут тебе утонуть в бурю“».

Лира перелистывала страницы. Наивные мечты о поступлении в художественную академию, восторженные описания первых уроков витражного мастерства у Маркуса, записи о дружбе с Эллой... А потом - всё реже и реже. И наконец - те самые страницы.

Её пальцы дрожали, когда она дошла до записи от 12 октября:

«Они не верят мне. Все говорят, что я всё выдумала. Но я же помню! Я помню его голос, его запах, его руки... Почему никто не верит? Мама говорит: „Давай забудем“. Но как можно забыть то, что изменило меня навсегда?»

Слеза упала на страницу, оставив мокрое пятно. Лира закрыла глаза, пытаясь унять дрожь.

В этот момент дверь скрипнула, и в мастерскую вошёл Маркус.

- Лира? - его голос прозвучал мягко. - Я принес новые стекла для витража. Что-то случилось?

Она молча протянула ему дневник. Маркус осторожно взял тетрадь, полистал страницы, вчитываясь в каждую строчку. Его лицо становилось всё серьезнее.

- Ты хранила это всё это время, - не вопрос, а утверждение.

- Да, - Лира сглотнула. - Иногда я перечитывала, чтобы убедиться, что это не сон. Что это действительно было.

Маркус закрыл дневник и положил его на стол. Затем сел напротив Лиры и посмотрел ей в глаза.

- Знаешь, - начал он, - когда я реставрирую витраж, я никогда не пытаюсь сделать его таким, каким он был изначально.

- Но ведь смысл реставрации в том, чтобы восстановить оригинал? - удивилась Лира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.